

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42(091)

ББК Ш141.12-03

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

В. Н. Базылев
Москва, Россия

V. N. Bazylev
Moscow, Russia

**СТАЛИНСКИЕ ДИСКУССИИ:
ДИСКУРСНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

**STALIN'S DISCUSSIONS:
THE DISCURSIVE PARALLELS**

Аннотация. *Анализируются новые данные (архивные документы, воспоминания участников и современников событий), связанные с дискурсными практиками «сталинских дискуссий» 30–50-х гг. XX в.: трех «языковедных дискуссий» и трех «дел врачей». Сталин рассматривается как идеолог, дискурсные практики которого направлены на пересмотр содержания реальности, создание новой картины мира. Прослеживаются параллели между различными инициировавшимися центральной прессой дискуссиями: сквозные образы врагов (врачи-бандиты, филологи-националисты), популярные жанры (обвинение, покаяние в грехах, самооговор, обращение как ответная агональная реплика), дискурсные ходы (принятие мер — «курс решительной борьбы»).*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the new data associated with the discursive practices of “Stalin’s discussions” in the 1930–50-s: three “discussions on the language” and three “cases of physicians”. Stalin is viewed as an ideologist, his discursive practices aim at reconsideration of the content of reality, creation of the new picture of the world. Similar tendencies are found in different discussions initiated by the central press: the images of enemies (doctors-bandits, philologists-nationalists), popular genres (accusation, confession, self-slander, address as the agonal reply), discursive trends (taking measures – “discourse of resolute fight”).*

Ключевые слова: *дискурс; история науки в СССР; советское языкознание; советская медицина.*

Key words: *discourse; history of science in the USSR; Soviet linguistics; Soviet medicine.*

Сведения об авторе: *Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания.*

About the author: *Bazylev Vladimir Nikolayevich, Doctor of Philology, Professor, Department of General Linguistics & Russian Linguistics.*

Место работы: *Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва).*

Place of employment: *Pushkin State Russian Language Institute (Moscow).*

Контактная информация: *117485, г. Москва, ул. Ак. Волгина, 6, к. 235.
e-mail: vladimir@4unet.ru.*

О. Конту принадлежат слова о том, что «человеческое общество — это, прежде всего, общность духа <...> идеи управляют и переворачивают мир <...> весь социальный механизм покоится, в конце концов, на мнениях» [Конт 2011: 19]. По его мнению, «органическое единство человечества или его части гарантируется всеобщим согласием, зиждящемся, прежде всего, на связях морально-эмоционального характера» [Там же: 32]. Развивая идеи О. Конта, современный немецкий философ Ф. Тенбрук предлагает понятие репрезентативной культуры, т. е. производства идей, значений и ценностей, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает все верования, представления, мировоззрения, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они либо активно разделяются людьми, либо пользуются пассивным признанием [Tenbruck 1990: 29]. Репрезентативная культура представляет в сознании членов общества все факты, которые что-либо означают для действующих

индивидов. И означают они для них именно то и только то, что дано в культурной репрезентации. Только это существует для членов общества и только в этом, т. е. в культурной репрезентации, и существует общество. Однако учитываются не все идеи, а только те, которые высказываются, по словам Ф. Тенбрука, агентами изменений, т. е. интеллектуалами или культурными экспертами. Это всегда идеологи, задача которых состоит в изменении господствующих мнений и, следовательно, в изменении общества.

Таким идеологом, без сомнения, являлся также И. В. Сталин. О Сталине как писателе и риторике написано достаточно: серьезные научные исследования начались еще в середине 90-х гг. XX в. [Чудинов 1997]. В одной из последних научных работ говорится, например, следующее: «...подлинная загадка заключается в том, что писатель Сталин немислим без двух качеств: магической убедительности и смехотворного, гунявого словоблудия» [Вайскопф 2001: 27]. При всей не-

однозначности и противоречивости оценок дискурсной практики и самого Сталина, и всей эпохи второй четверти XX в., не подлежит сомнению, что в основании той дискурсной практики лежала идея пересмотра содержания реальности как исходной точки новой картины мира. Реальность при этом воспринималась как культурный акт творения, совершаемый автором. Текст автора, по словам Г. Н. Зверевой, «предстает в данном случае не как конечный результат интеллектуальной творческой деятельности, а как открытое, изменчивое, текучее пространство культурного — вербального и невербального — со-общения <...> это пространство выражено особыми культурными знаками, символами, образами и обусловлено сущностными свойствами культурного бытия, автора текста и адресата» [Зверева 1996: 13]. Реальность, создаваемая и передаваемая автором как культурная реальность, устанавливается в тексте во имя согласования всех дискурсных элементов картины мира. Не последнюю роль в этом играли в первой половине XX в. так называемые научные дискуссии. О лингвистической дискуссии 1950 г., например, писалось много, она часто рассматривалась в контексте других научных «кампаний» послевоенных лет [Pollock 2008].

Пока активно не исследовались интересные фрагменты предвоенных научных дискуссий. В статье мы как сосредоточим внимание на тех дискурсных параллелях, которыми характеризовались следующие дискуссии: три дискуссии о медицине (три «дела врачей») и три дискуссии о языке («поливановская дискуссия» 1929 г., «дело славистов» середины 30-х и «сталинская дискуссия о языке» 1950 г.), проходившие частично, как мы видим, еще в предвоенные годы.

Существует расхожее мнение, что такие понятия, как «врачи-бандиты» и «врачи-убийцы» или «буржуазная контрабанда в языкознании» — это продукт «позднего сталинизма», связанный с печально знаменитыми «сталинской дискуссией о языке» 1950 г. и «делом врачей» 1953 г. На самом деле эти словосочетания вошли в советскую жизнь гораздо раньше, в 1929 г. — в год, который называли «годом великого перелома».

22 ноября 1929 г. в советских газетах появилось сообщение ГПУ УССР о раскрытии «заговора украинских контрреволюционеров и националистов» из так называемого СВУ — «Спілки визволення України» («Союза освобождения Украины»). Это было только начало. А уже в январе-феврале 1930 г. газеты Харькова (тогда —

столицы Украины), Киева, Днепропетровска, Одессы и других городов Украины начали публиковать сообщения об арестованных заговорщиках под характерными, не допускающими иной трактовки заголовками, такими, например, как «Под знаменем контрреволюции». Годом раньше Е. Д. Поливанов в ходе дискуссии о «новом учении о языке» в Комакадемии был назван «идеологическим агентом международной буржуазии», «разоблаченным монархистом-черносотенцем», «кулацким волком в шкуре советского профессора». Примечательно, что материалы этой дискуссии были опубликованы 1 марта 1929 г. в газете «Вечерняя Москва» в рубрике с откровенным названием «Классовая борьба в науке».

Всё это было не причиной, а уже следствием изменения дискурсной практики: «Не относясь, в строгом смысле слова, к классу буржуазии, — писал в 1927 г. нарком просвещения А. В. Луначарский, — профессура в большинстве своем примыкала к слою более или менее менее квалифицированной и хорошо оплачиваемой интеллигенции, а следовательно — к классам правящим» [Луначарский 1927: 4]. Вот как показательно объяснял, вернее, оправдывал это на склоне жизни в своих мемуарах Н. С. Хрущев: «Тогда вообще было широко распространено недоверие к буржуазной интеллигенции, и отчасти это недоверие было оправданно. В первые дни революции интеллигенция, к сожалению, в большинстве не определила четко свою позицию и раскололась; часть эмигрировала, часть выжидала, часть саботировала, а некоторые активно включились в борьбу с советской властью, организуя даже вооруженное сопротивление... Поэтому в народе, особенно среди рабочих, было сильное „спецееское“, антиспецовское настроение, и партийным организациям приходилось очень много затрачивать усилий, чтобы сдерживать его» [Хрущев 1992: 57].

Сталинская внутренняя политика выдвигала в качестве одной из основных задач поиск врагов, «вредителей», якобы орудовавших во всех сферах народного хозяйства. В 1928 г. состоялся первый публичный процесс «спецов-вредителей» (Шахтинское дело): был дан старт прямым репрессиям против «буржуазной» интеллигенции, вставшей якобы на путь вредительства.

В тот раз перед судом предстали инженеры, работавшие в промышленности. Однако сразу же прозвучали призывы искать вредителей и среди других специалистов, в том числе врачей и филологов. «С социальным составом в медвузах дело обстоит далеко неблагоприятно: партпрослойка там

еще очень слаба, — писала, например, газета «Известия». — Особенно это необходимо подчеркнуть в отношении научных работников... Часто мы имеем перед собой консервативную, а иногда и классово-враждебно настроенную профессуру». Отсюда газета делала вывод: «Мы не можем гарантировать, что в отличие от других отраслей хозяйства в области здравоохранения исключена возможность вредительства. Нужна колоссальная бдительность со стороны органов здравоохранения и наших союзных организаций» [Известия. 1930. 2 марта: 2]. Не лучше обстояло дело и на «языковедном фронте». Здесь речь шла буквально о захвате власти: «Языкфронтовцы в спешном порядке стали захватывать кафедры вузов, научно-исследовательские институты, журналы, даже издательства» [Сумерки лингвистики 2001: 119].

На этом обвинительном фоне зазвучало «покаяние в грехах». Вот фрагмент выступления на суде профессора А. Г. Черняховского: «Я чувствую за собой вину, которая заключается во вредительской политической работе. Я признаю, что был контрреволюционером до последнего времени. Теперь я осуждаю эту мою политическую деятельность. Я полностью сознаю весь тот вред, который я сделал, и особенно меня мучит сейчас то, что я был связан с заграничной эмиграцией» [Пролетарий. 1930. 28 марта: 2]. Приведем также слова «покаяния» филолога Г. Данилова: «Грубейшая ошибка заключалась в моей трактовке национально-языкового вопроса. Эта трактовка, по справедливому замечанию одного из моих критиков, исходила из забвения того простого факта, что „в наших условиях, когда правые элементы стимулируют национальную вражду, вопросы общезыковые приобретают характер в значительной мере политический“. Особенно наглядно сказалась моя ошибка в одном неправильном, как политически, так и методологически положении, которое и дало право обвинять меня в скатывании к великодержавному, вернее, к великорусскому шовинизму» [Данилов 1931: 9].

Тон обвинения, как видно из цитат, был задан: советскому народу было сообщено о преступной деятельности «врачей-бандитов» и «филологов-националистов». И те, и другие в начале 1930-х гг. становятся своеобразным символом скрытых врагов и вредителей. Характерно, что один из лозунгов ЦК ВКП(б) к 1 мая 1930 г. гласил: «Беспощадная война банде вредителей и шпионов, наемников капитала!» [Комсомольская правда. 1930. 24 апр.: 1]. Не менее выразительной находкой с дискурсной точки зрения

был и заголовок сборника 1932 г. — «Против буржуазной контрабанды в языкознании».

Прошло несколько лет — и в середине 1930-х гг. вновь возникают два «дела»: «дело славистов», «пик» которого пришелся на 1937 г., и «московское дело врачей» 1938 г. На скамье подсудимых большого политического процесса, который проходил в Октябрьском зале Дома союзов, и который вел прокурор СССР А. Я. Вышинский, оказались медики. В начале марта было обнародовано обвинительное заключение, в котором говорилось о подсудимых-врачах. В этом заключении, составленном на основании предварительного следствия, было сказано: «Обвиняемый Плетнев, принявший непосредственное участие в деле убийства Алексея Максимовича Горького и Валериана Владимировича Куйбышева, показал: „Ягода... прямо предложил мне воспользоваться своим положением лечащего врача у Куйбышева В. В. и А. М. Горького и ускорить их смерть путем применения неправильных методов лечения. Я пытался отказаться, но, в конце концов, был вынужден согласиться... Приняв это страшное задание Ягоды, я вместе с доктором Левиным выработал план убийства А. М. Горького и В. В. Куйбышева“» [Судебный отчет... 1938: 128]. Кое-что поменялось, а именно: вместо «покаяния в грехах» присутствует «самооговор». Именно он становится ведущим дискурсным фрагментом. Так это случилось с показаниями Н. Н. Дурново: «В изменение показаний, данных мною на предварительном следствии <...> считаю долгом сообщить следующее: В значительной своей части эти показания неточны или ложны. Я не отрицаю своего несогласия с идеей коммунизма и с тактикой Советской власти, своих связей с профессором Якубовским и Трубецким, некоторыми русскими политическими эмигрантами в Чехословакии и Югославии и членами чехословацкого дипломатического корпуса; признаю, что я не только лично отрицательно относился к Советской власти, но и не скрывал своего отношения и в разговоре с другими лицами, не только гражданами СССР, но и с иностранными учеными, не скрываю того, что на собраниях у акад. М. Н. Сперанского и проф. Гр. А. Ильинского, кроме разговоров на темы, связанные с нашей научной работой, бывали разговоры и на политические темы, в которых и я принимал участие, причем некоторые из присутствующих выражали свое недовольство существующими в СССР порядками...» [Ашнин, Алпатов 1994: 103].

Л. Г. Левин: «Граждане судьи! В своем последнем слове я хочу еще раз подтвер-

дить свою вину... С особой остротой я пережил все только в самые последние дни, в тюрьме еще, за короткое время до начала процесса, когда я впервые имел возможность ознакомиться с обвинительным заключением, когда я впервые из этого обвинительного заключения узнал то, чего я никогда не знал, не предполагал, не мог предположить, не мог себе представить... Мне лично самостоятельно... не могла бы прийти дикая, совершенно нелепая, кошмарная мысль о причинении какого-нибудь самого малейшего вреда кому-нибудь из руководителей партии и правительства, большинство которых я ведь имел счастье лично знать. Мне никогда не могла бы прийти в голову такая же дикая, такая же кошмарная мысль о причинении какого-нибудь вреда, а не то что смерти Алексею Максимовичу Горькому, которого я горячо любил, это все знают, с которым был близко связан, которого я высоко ценил как одного из величайших писателей нашей страны и всего мира...» [Судебный отчет 1938: 689].

Так как речь шла о дискурсивной практике «дискуссии», то ответной, агональной репликой, естественно, становится жанр «обращения». Так, в это же время было опубликовано обращение Народного комиссариата здравоохранения СССР, ЦК профсоюза «Медсантруд» РСФСР и ЦК профсоюза «Медсантруд» УССР ко всем медицинским работникам страны. Это обращение носило характерное для того времени заглавие — «Об уроках и выводах из процесса троцкистского шпионско-диверсионного центра». С этим может сравниться только заголовок в газете «Ленинградская правда» 1935 г. — «Против извращений марксизма-ленинизма в Институте языка и мышления».

В ответ требовалось принимать меры — и к медикам, и к лингвистам. Отсюда сразу же следовал дискурс «решительной борьбы». В соответствии с политической конъюнктурой, выдвигалась задача «решительной борьбы с вредительством»:

— «ни на одну минуту не ослаблять беспощадной борьбы с остатками разгромленных враждебных элементов, притаившимися еще кое-где в органах здравоохранения, с их пособниками — болтунами и разгильдяями... Медицинские работники должны приложить все силы к тому, чтобы до конца очистить органы здравоохранения от остатков притаившихся врагов, быстрее ликвидировать последствия их вредительской деятельности» [Медицинский работник. 1938. 15 янв.: 2];

— «с „даниловщиной“ нужно всячески бороться, и не приходится доказывать, почему. Конференция партийцев и комсомольцев-

словесников в Ленинграде совершенно правильно постановила „послать протест в редакцию ‘Литература и марксизм’ за безответственное печатание статей, лингвистически неграмотных и идеологически вредных“...» [Сумерки лингвистики 2001: 135].

И снова — дискурс обвинения. «Медлительность в ликвидации последствий вредительства», требование «преданной работы» — это были отнюдь не упреки, не критические замечания, а прямые обвинения. Вслед за этим орган Наркомздрава СССР, газета «Медицинский работник», проявив невиданную оперативность, опубликовала одну за другой две передовые статьи. «Пробравшиеся в союзный Наркомздрав враги народа, — говорилось в одной из них, — до самых последних дней всячески использовали беспечность и благодушие части его работников и, прикрываясь шумливыми декларациями о необходимости борьбы с вредительством, фактически исподтишка всеми мерами мешали передовым людям советского здравоохранения полностью и до конца ликвидировать последствия вражеской работы» [Медицинский работник. 1938. 17 июля: 1]. Вторая статья носила символическое название — «Беспощадно корчевать вражеское охвостье». Газета писала, что, «пользуясь слепотой, ротозейством и ослаблением бдительности отдельных руководителей и парторганизации наркомата, троцкистско-бухаринские бандиты творили здесь (в Наркомздраве СССР. — В. Б.) свое подлое дело» [Медицинский работник. 1938. 20 июля: 1]. Фактически все «дело славистов» сводится к формуле обвинения: «Дурново Николай Николаевич... Фашист. Был связан с проф. Якубовским и Трубецким, русскими эмигрантами. Бывая за границей, тесно связался с представителями иностранных государств. Вел контрреволюционную деятельность среди белоэмигрантов. Являлся организатором и руководителем контрреволюционной организации. Имел связь с заграничными фашистскими деятелями...» [Ашнин, Алпатов 1994: 132—133].

Одним из пиков, а может быть, и своеобразным апофеозом послевоенных сталинских «научных дискуссий» стали широко известные «сталинская дискуссия о языке» и «дело врачей»: для населения страны, для научной общественности и та, и другая явились полной неожиданностью. Вдруг выяснилось, что широко известный академик Н. Я. Марр, давно уже покойный, является олицетворением «аркчеевского режима в языкознании», а московские врачи и профессора, составлявшие гордость советской медицины, на самом деле оказались вреди-

телями и шпионами, убийцами и отравителями, презренными агентами иностранных разведок, по их заданиям творившими свои черные дела. О непонимании происходящего свидетельствуют теперь многие документы, ставшие доступными в последние годы. Например, записка секретаря партком МГУ Прокофьева в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

«В Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) тов. Яковлеву М. Д. *Партийная информация*. Статья товарища Сталина, опубликованная в газете „Правда“, „Относительно марксизма в языкознании“ вызвала всеобщее одобрение и громадный политический подъем. В день опубликования статьи очередные экзамены практически начались с того, что экзаменаторы вместе с экзаменуемыми студентами прочли статью товарища Сталина. Следует отметить, что это было сделано без каких-либо особых указаний. Вместе с тем, имеют место отдельные случаи, которые заслуживают внимания. Как заявил заместитель декана филологического факультета, член ВКП (б) тов. Зозуля в личной беседе со мной, он был свидетелем разговора тов. Сердюченко с профессором Чемодановым следующего содержания: профессор Сердюченко сказал, что одно высокопоставленное и компетентное лицо (фамилию которого он не назвал) сообщило ему, что „Правда“ открыла свободную дискуссию для того, чтобы выяснить позицию ученых. После выяснения этих позиций „Правда“ нанесет удар. Таким образом, он дал понять, что „Правда“ организует свободную творческую дискуссию как бы с провокационной целью. Тов. Зозуля подтверждает, что профессор Чемоданов резко дал отповедь такому настроению профессора Сердюченко. Доцент кафедры русской литературы, член ВКП (б) тов. Белкин в разговоре с тов. Зозуля высказал следующее мнение: „Что же, товарищ Сталин не знал раньше об аракчеевском режиме в науке? Ему давно бы надлежало вызвать тов. Кафтанова и дать соответствующие указания“. Проявляются настроения и иного рода. Так, профессор Гудзий высказывал мысли о том, что у нас допускался перегиб с критикой веселовщины. „Когда, — заявил профессор Гудзий, — исследователь говорит о влиянии Байрона на Пушкина, это считается чуть ли не предательством. А когда же говорят, что Марлинский влиял на Пушкина, то это признак хорошего тона, признак благонадежности“. В личном разговоре с проф. Чемодановым, который состоялся у меня 30.07., выяснилось, что действительно проф. Сердюченко в период еще до появления статьи тов.

Сталина пришел к тов. Чемоданову и сказал, что ему кажется, что „Правда“ открыла свободную дискуссию для того, чтобы выяснить точки зрения и уничтожить противников. На это проф. Чемоданов, по его словам, ответил, что центральный орган нашей партии не открывает свободных дискуссий с провокационной целью. Метод провокации не метод нашей партии. Проф. Сердюченко прервал разговор. После появления статьи тов. Сталина в газете „Правда“ проф. Сердюченко заявил: „Дело ясное. Надо искать вакансию где-нибудь в Рязани или Воронеже“. Указанные выше высказывания, конечно, являются исключениями. Статья товарища Сталина поставила целый ряд вопросов, которые обсуждаются среди ученых факультета. *Секретарь парткома МГУ Прокофьев. 30 июня 1950 г.*» [Цит. по: Базылев 2014: 24—25].

Репрессии в этот раз, однако, затронули в большей степени не языковедов, а специалистов-медиков. Так, 4 ноября 1952 г. был арестован личный врач Сталина и ведущий терапевт Лечсанупра профессор В. Н. Виноградов. Все разъяснилось 13 января 1953 г., когда во всех советских газетах в разделе «Хроника» было опубликовано сообщение ТАСС под леденящим душу заголовком «Арест группы врачей-вредителей» (перед этим, 9 января, высшая элита партии и государства — Бюро Президиума и секретари ЦК КПСС, собравшиеся практически в полном составе, утвердили текст этого сообщения).

В сообщении говорилось: «Некоторое время тому назад органами Государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза. Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье. Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали данные объективного обследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствовавшие действительному характеру их заболеваний, а затем неправильным лечением губили их. Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А. А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назна-

чили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища А. А. Жданова. Следствием установлено, что преступники также сократили жизнь товарища А. С. Щербакова, неправильно применили при его лечении сильнодействующие лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти. Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского А. М., маршала Говорова Л. А., маршала Конева И. С., генерала армии Штеменко С. М., адмирала Левченко Г. И. и других, однако арест расстроил их злодейские планы, и преступникам не удалось добиться своей цели. Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наемных агентах у иностранной разведки» [Правда. 1953. 13 янв.: 4].

И в статье, рассчитанной на самого широкого читателя, и в записке секретаря парткома присутствует дискурс комментирования и расширения фактов. Так, среди жертв врачей-преступников назывались не только уже известные из сообщения ТАСС А. А. Жданов и А. С. Щербаков, но и подзабытые уже «жертвы» предыдущего «дела врачей 1938 года» — А. М. Горький, В. В. Куйбышев, В. Р. Менжинский, упоминались прежние «врачи-убийцы» Плетнев, Левин. Таким образом, формировалась единая злодейская линия действий врачей-вредителей, продолжавших безнаказанно орудовать в стране многие годы. То же и в языкознании — парадоксальным образом Сталин в 1950 г. обратился к обсуждению личности Н. Я. Марра, умершего в 1934 г.: «Марр обвиняется в том, что он объективно помогает расизму. Признание сравнительно-исторического метода соседствует с охаиванием А. Мейе, К. Фосслера, Ф. де Соссюра» [Алпатов 1991: 172].

Что касается недоверия к врачам и к языковедам, то оно, не без усилий печати и радио, в это время росло и ширилось. Дискурс бдительности и разоблачения задавался центральным партийным органом и главной газетой страны — «Правдой». В эти дни здесь была опубликована серия статей под характерными заголовками: «Покончить с ротозейством в наших рядах», «Свободные народы повышают бдительность», «Ротозеипособники врага», «Бдительность — наше оружие». Помимо этого, появляется и новый фрагмент дискуссионного жанра — фелье-

тон. На проходившем, например, 12 февраля 1953 г. совещании в министерстве здравоохранения новый министр А. Ф. Третьяков заявил: «Орган нашей партии „Правда“ из номера в номер печатает острые фельетоны, в которых раскрывает каверзность наших врагов, плохую работу, плохое поведение политически беспечных людей и всяких проходимцев. Центральный орган нашей партии при помощи этих фельетонов преподает нам всем поучительные уроки. Из этих фельетонов мы можем черпать указания, как действовать сегодня и завтра» [Правда. 1953. 20 февр.: 2].

Долго еще в советском массовом сознании языковедение будет ассоциироваться с «вражескими происками» и «шпионской агентурой». В 1959 г. А. О. Авдеенко публикует роман «Над Тиссой (из пограничной хроники)» — своего рода бестселлер той эпохи, что неудивительно, ведь это был приключенческий шпионский роман. Так вот, паролем шпионов и предателей в романе был «учебник Булаховского „Введение в языкознание“»:

«— Крыж почтительно склонил голову, приветливо улыбнулся и спросил, чем он может быть полезен. — Есть у вас учебник Булаховского „Введение в языкознание“?... — Пожалуйста, есть. Платите. Пока Крыж заворачивал книгу в бумагу, покупатель заплатил деньги в кассу и вернулся к прилавку с чеком. Он передал чек Крыжу, сказал „спасибо“ и шепотом добавил: „Имею поручение от «Бизона». Приду вечером. Ждите!» [Базылев 2014: 40].

Вяч. Вс. Иванов будет вспоминать, как декан факультета Р. М. Самарин отказался давать ему характеристику, мотивировав свой отказ тем, что он (Вяч. Вс. Иванов) «был связан с американским шпионом Романом Якобсоном» [Базылев 2014: 54].

Разумеется, дискуссия невозможна без веры в то, что можно, в конце концов, обрести истину. «Реакция населения у нас была неоднозначной, — пишет о том времени профессор Я. Л. Рапопорт. — Многие, одурманенные пропагандой, приняли сообщение ТАСС на веру, с озлоблением против извергов рода человеческого. Не забуду перекошенного от ненависти лица моей лаборантки, процедившей сквозь зубы: „Проклятые интеллигенты, кувалдой бы их, кувалдой по черепу“. В учреждениях проходили стихийные и организованные митинги с требованием суровой казни для преступников. Страсти разжигала и печать, буквально неистовствовавшая в обличительном словоизвержении. Карикатурам, которые помещал „Крокодил“, могла бы позавидовать самая черносотен-

ная печать царского времени» [Рапопорт 1995: 287]. Об этом свидетельствуют и письма самому Сталину, например от студентки-филолога Н. Кошкиной: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Вы научили нас любить правду больше жизни. Мы выросли в обществе, которое построено и развивается под Вашим руководством. Каждое Ваше слово мы чтим как святыню. Ваши слова всегда были близки и понятны нам...» [Базылев 2014: 22].

Как это часто бывает, подобные дискуссии и их дискурсные практики завершаются историческим оправданием.

«Правда» в начале апреля 1953 г. писала: «Обвинения, возведенные на целый ряд видных деятелей советской медицины, оказались полностью ложными. Это был гнусный поклеп на честных и уважаемых людей нашего государства» [Правда. 1953. 6 апр.: 1]. Н. С. Хрущев так будет вспоминать о «сталинской дискуссии о языке»: «Очень странная дискуссия была. Она ему не нужна была; он принимал грузина, ученого, с ним беседовал. Тот как-то разбудил у него желание включиться в этот спор. Он начал вести спор, выступал против академика Марра, против его трудов. В конце концов, он выступил и против своего друга грузина. Это близкий к нему человек, он его не раз приглашал, он у него обедал. Таким образом, появился труд Сталина по языкознанию, теоретический труд последнего этапа его жизни» [Горбаневский 1991: 223].

Со времени сталинских дискуссий 50-х гг. прошло более полувека. Другие, предыдущие дискуссии, другие события и факты научной жизни советской страны отделились от нас еще больше. Но все они в той или иной степени были связаны с дискурсными практиками той эпохи. Всё это — риторический и политический урок для настоящего и будущего. Этот урок теперь принадлежит истории, но прежде всего и, пожалуй, больше всего — истории науки современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтатов В. М. История одного мифа. — М.: Наука, 1991.
2. Ашинин Ф. Д., Алтатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. — М.: Наследие, 1994.
3. Базылев В. Н. В борьбе за советскую лингвистику: очерк. Антология. — М.: Изд-во СГУ, 2014.
4. Вайскопф М. Писатель Сталин. — М.: Новое литературное обозрение, 2001.
5. Горбаневский М. В. В начале было слово... — М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1991.
6. Данилов Г. Мои ошибки // Революция и язык. 1931. № 1. С. 9—10.
7. Зверева Г. И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. № 1. С. 11—24.
8. Известия. 1930. 20 мар. С. 2.
9. Комсомольская правда. 1930. 24 апр. С. 1.
10. Конт О. Дух позитивной философии. — М.: Либроком, 2011.
11. Луначарский А. В. Редакционная статья // Красная панорама. 1927. № 9. С. 4.
12. Медицинский работник. 1938. 15 янв. С. 2.
13. Медицинский работник. 1938. 17 июля. С. 1.
14. Медицинский работник. 1938. 20 июля. С. 1.
15. Правда. 1953. 13 янв. С. 4.
16. Правда. 1953. 20 февр. С. 2.
17. Правда. 1953. 6 апр. С. 1.
18. Пролетарий. 1930. 28 мар. С. 2.
19. Рапопорт Я. Л. Человек, медицина, жизнь. — М.: Медицинская газета, 1995.
20. Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». — М.: Юриздат НКЮ СССР, 1938.
21. Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология / сост., коммент. В. Н. Базылева, В. П. Нерознака. — М.: Academia, 2001.
22. Хрущев Н. С. Мемуары // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 32—80.
23. Чудинов А. П. Заметки о риторическом мастерстве И. В. Сталина // Художественный текст: структура, семантика, прагматика: сб. науч. тр. / под ред. Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 201—212.
24. Pollock E. Stalin and the Soviet Science Wars. — Princeton: Univ. Pr., 2008.
25. Tenbruck F. H. Repräsentative Kultur // Sozialstruktur und Kultur / hrsg. von H. Haferkamp. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.